

Карнеги-холл

(«Триумф концерта и мелочи быта»)

18 января в знаменитом американском Карнеги-холле, в зале, носящем имя скрипача Исаака Стерна, состоялся концерт из произведений П. И. Чайковского в исполнении оперной труппы Пермского театра оперы и балета. Более 100 лет назад на открытии Карнеги-холла в серии концертов [Нью-Йоркского симфонического оркестра](#) принял участие в качестве дирижера П. И. [Чайковский](#), и вот теперь на одной из самых престижных сцен мира выступил театр, носящий его имя.

В гастрольных поездках многие чрезвычайно интересные вещи узнаёшь совершенно случайно. Например, чем отличается стрит от авеню. Вдоль идут проспекты – авеню, а поперек – улицы – стриты. Об этом нам поведал водитель автобуса, добровольно ставший нашим экскурсоводом. С удовольствием рассказывал он о достопримечательностях, как будто бы сконцентрированных на одном пяточке Манхэттена: вот Бродвей, вот Метрополитен-опера, вот "Нью-Йорк Сити Балле", а вот и Карнеги-холл. Рассказывая и показывая, водитель что-то запел, но чрезвычайно смутился, вспомнив, что везёт артистов оперного театра.

Местом «сбора труппы» стало уютное кафе напротив Карнеги-холла, впрочем, сравнить его с другими нам было некогда. Главным его достоинством было тепло (минус семь в Нью-Йорке – это очень холодно!), основным недостатком - отсутствие служащих, говорящих на каком-нибудь понятном языке. Во всяком случае, когда я поинтересовалась у свободно владеющей английским сотрудницы театра, о чём спросил меня официант, то она ответила: он что-то спрашивает про курицу...

Знакомство с Карнеги-холлом началось с разочарования. Испугавшись пробок на дороге, мы приехали раньше времени, и нам не успели подготовить комнату для размещения. Ожидание практически на улице, как известно, способно убить радость от любой встречи. На репетицию в знаменитый зал тоже необходимо было зайти точь-в-точь, при этом по трансляции приглашались по очереди все группы оркестра. Объясняется это тем, что внутренние помещения довольно тесные и развернуться двум

коллективам (хору и оркестру) там довольно сложно. Во избежание каких-либо столкновений всё делается крайне организованно. Отвыкшие уже в современной России ходить строем, мы, как могли, сопротивлялись организационным порядкам и создавали небольшой, но привычный хаос. Более всего нам не понравился категорический запрет на всякого рода съёмки в помещении Карнеги-холла, впрочем, снимать там было особенно нечего!

Привыкшие к роскошному убранству наших «царских лож», позолоченному великолепию наших оперных залов с великолепными люстрами, а также искушённые созерцанием современного оформления американских залов, мы были чрезвычайно удивлены тому минимализму, с которым был оформлен знаменитый зал: вместо люстры - овал из небольших светильников, простые ряды кресел, без всяких излишеств полукруги балконов, никаких особенностей интерьера, о которых что-нибудь можно было бы рассказать. И здесь нас осеняет простая мысль: акустика! Здесь всё подчинено ей и только ей! Не случайно, по словам маэстро Александра Анисимова, этот зал на протяжении многих лет не эксплуатируется ни для каких мероприятий, кроме концертов симфонической музыки.

Постепенно строгость и простота обстановки начинает поражать своей мудростью лаконизма, к которому приходят через мучительное отбрасывание всего лишнего. Каждый звук повисает в воздухе, а поэтому должен быть взят особенно качественно. Однако чрезмерное доверие к акустике привело и к неожиданностям. Во время приветственной речи Георгия Исаакяна к публике начали раздаваться выкрики из зала, которые невольно привели к некоторой заминке. Однако, даже не знающие английского языка, мы скоро догадались: публика выкрикивала «не слышно!». Привыкший легко устанавливать контакт со зрительным залом, Георгий Исаакян и здесь справился со своей задачей, на что публика ответила ему искренними аплодисментами.

Необходимо заметить, что зал был практически полон, ибо накануне в Бруклинской академии музыки с большим успехом Пермским театром была представлена «Мазепа» П.И.Чайковского с солистом Мариинского театра Виктором Черноморцевым, солисткой Ростовской оперы Ириной Крикуновой и солистом Нижегородской оперы Сергеем Перминовым в главных партиях. К чести нашей оперной труппы нужно заметить, что украсившие спектакль солисты были единственными «приезжими»

певцами, тем более что сотрудничество с ними не ограничивается лишь американскими гастрольями, и они хорошо знакомы пермской публике.

Итак, публика пришла на театр Чайковского и на музыку Чайковского, и успех концерта оправдал её ожидания. Можно оценить это как триумф, а можно просто порадоваться тому, что музыкальный профессионализм в русской провинции вопреки всему остаётся на должной высоте. Отдельно можно сказать о своеобразном фуроре, который произвело исполнение оркестром Вальса из Евгения Онегина. Главный приглашённый дирижёр Александр Анисимов, словно талантливый полководец и мудрый политик, «использовал» акустику зала как инструмент успеха. Он добился от артистов оркестра такого тишайшего и нежнейшего пиано, которое, думается, более ни в одном зале не имело бы такого эффекта. Публика просто взорвалась аплодисментами!

В перерыве между двумя внушительными отделениями концерта мы продолжали знакомство со знаменитым залом. Кстати, для меня лично было открытием, что Карнеги-холл располагает тремя концертными залами: об этом мы узнали, увидев в служебном помещении три монитора, повествующих о том, что происходит в каждом из залов. Зал, в котором выступал в настоящее время наш театр, назван в честь американского скрипача Исаака Стерна. Дело в том, что Карнеги-холл чуть не погиб в конкуренции со знаменитым «Линкольн-центром». Усилиями Стерна зал удалось сохранить, и с того момента он стал президентом Карнеги-холла, пробыв на этом посту 40 лет.

Уже в гостинице, воспользовавшись услугами бесплатного интернета, прочли о том, что сам Карнеги-холл получил своё имя гораздо позднее того исключительного момента, когда там дирижировал П. И. Чайковский. Имя мультимиллионера [Эндрю Карнеги](#), заработавшего за свою жизнь около 400 миллионов долларов и потратившего на благотворительность из них 350 миллионов, кстати, написавшего книгу «Евангелие богатства» и считавшего, что «лучшим наследством для молодого человека является родиться в нищете», присвоено центру в самом конце 19 века. К слову сказать, именно последнее изречение ярче всего проиллюстрировал знаменитый однофамилец Эндрю – Дейл Карнеги. И это не просто информация, а размышления об американской установке – «сделай себя сам», о том, как она воздействует на человека, о том, что будем отвечать на вопросы дома: «как они живут?», «почему у нас не так?». Странно, но на беглый взгляд короткой поездки приходят только мысли о том, что

супермаркеты у нас удобнее, в банкомате приятнее читать по-русски, а питаемся мы все неправильно.

К нам в автобус подсаживается эмигрант, начинает агитировать за американский образ жизни, мы понимаем, что это лишь попытка утвердиться в мысли, что некогда сделанный его выбор не был ошибкой. Для нас же разговор с ним – звонок в наше прошлое. Мы бросаем свои попытки объяснить, что «у нас уже всё не так», – он нас не слышит, да и нам становится не интересен. Мы думаем о том, что мало удаётся увидеть из окна автобуса, вырвавшись из челночного движения «отель – работа». Кстати, об отеле. Конференц-отель, где размещалась оперная труппа Пермского театра, как видно из названия, предназначен для проведения многочисленных мероприятий, поэтому оркестровые репетиции проводились прямо «дома», нужно было только спуститься на первый этаж. Замученные двухразовым хождением на работу в пермские будни, мы мечтали о таком же удобстве в Перми...